

А. Е. Пуздровский, А. А. Труфанов

Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма

A. E. Puzdrovsky, A. A. Trufanov.

A Bronze Matrix with Image of Zeus from South-West Crimea.

In 2009, a bronze matrix with image of Zeus was found in a burial of 1st-2nd centuries A.D. on the Ust-Alma necropolis (South-West Crimea). It was intended for production of votive plates. Analogous matrices were well-known in Chersonesos, Thrace and Moesia (2nd—3rd centuries A.D.). Such finds are usually associated with Roman soldiers. The matrix could have been brought to Crimea by Sarmatian tribes who participated in Roman-Dacian wars.

A. E. Puzdrovsky, A. A. Trufanov.

Matricea de bronz cu imaginea lui Zeus din Crimeea de Sud-Vest.

În 2009, la necropola Ust-Alma din Crimeea de Sud-Vest, în mormîntul din secolele I—II, a fost descoperită o matrice de bronz cu imaginea lui Zeus. Aceasta a fost destinată producerii unor plăci votive. Matricea este similară cu cele din Hersones, dar mai ales cu cele din Tracia și Moesia (secolele II—III). Asemenea descoperiri, de obicei, sunt asociate cu prezența ostașilor romani. Matricea ar fi putut ajunge la Crimeea ca urmare a participării sarmaților la războaiele daco-romane.

A. E. Пуздровский, А. А. Труфанов.

Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма.

В 2009 г. на Усть-Альминском некрополе в Юго-Западном Крыму в погребении I—II вв. н. э. была обнаружена бронзовая матрица с изображением Зевса. Она предназначалась для производства votивных пластин. Матрица находит аналогии в Херсонесе, но особенно близкие — во Фракии и Мезии (II—III вв. н. э.). Подобные находки обычно связываются с присутствием римских солдат. Матрица могла попасть в Крым в результате участия сарматов в римско-дакийских войнах.

Keywords: Bronze matrix, votive plates, Ust-Alma necropolis, South-West Crimea.

Cuvinte cheie: matrice de bronz, plăci votive, necropola Ust-Alma, Crimeea de Sud-Vest.

Ключевые слова: бронзовая матрица, votивные пластины, Усть-Альминский некрополь, Юго-Западный Крым.

В 2009 г. на Усть-Альминском некрополе в разграбленном в древности грунтовом склепе 986, находившемся на северо-западной периферии памятника, был обнаружен редкий предмет — бронзовая матрица для производства votивных пластин. Поскольку большинство таких находок происходит вне археологического контекста, публикация альминского комплекса представляется актуальной.

Склеп 986. Входная яма трапециевидных очертаний, расширяющаяся к входному отверстию, ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Ее размеры 4,40×1,30—1,70 м. Наибольшая глубина от современной дневной поверхности — 4,0 м (рис. 1; 2). По своим размерам — это один из самых значительных объектов некро-

поля. В ЮВ стенке входной ямы сооружены четыре ступени, высотой от 0,35 до 0,60 м. Три нижних вырублены в плотном мергеле, верхняя — в слое гальки и укреплена обломком песчаника. На двух ступенях имелись подрубки, сделанные для удобства спуска. Дно ямы понижается на 0,55—0,60 м по направлению к камере. В верхней части суглинистого заполнения зафиксировано большое количество камней забутовки. В этом же качестве, вероятно, вторично использована и известняковая ступа, обнаруженная на глубине 3,0 м (рис. 1; 4, 1).

В южной части ямы, вдоль всего сооружения, прослежена древняя грабительская траншея шириной 1,0—1,15 м при глубине

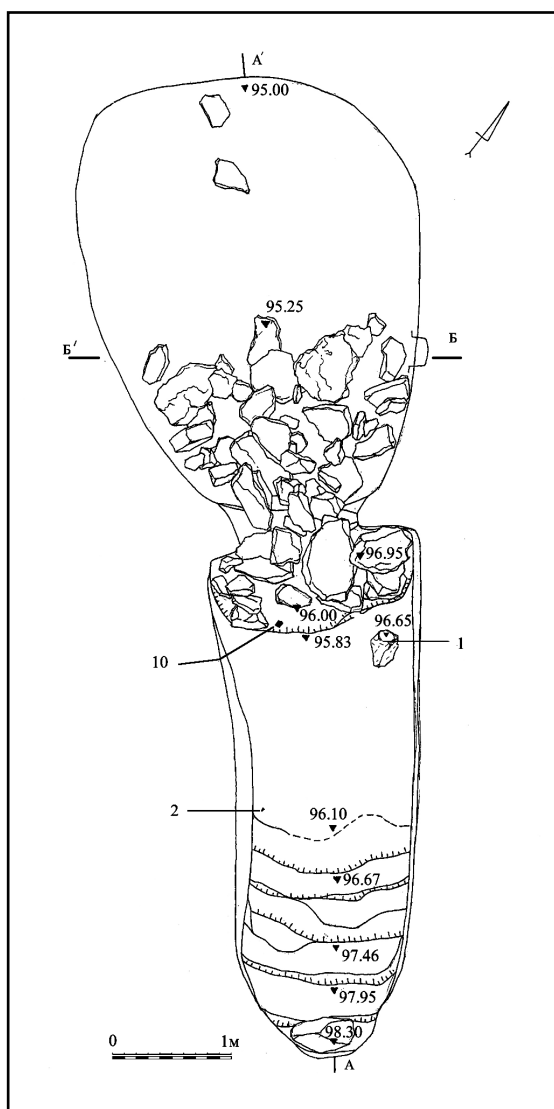

Рис. 1. Склеп 986. План входной ямы и камеры. Находки: 1 — известняковая ступа; 2 — бронзовый букраний; 10 — бронзовая пластина (матрица).

до 2,75 от уровня древней дневной поверхности. Ее заполнение состояло из линз и прослоек гумуса и переотложенного суглинка. В ее заполнении выявлено большое количество обломков керамики, среди которой — фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 4: 2—5), красноглиняных амфор (рис. 4: 6—8), а также одноручных кувшинов биконической формы, на высоком поддоне, из оранжево-коричневой глины, насыщенной включениями пирита (рис. 4: 9). В южной части ямы, на глубине 2,90 м от современной поверхности найден бронзовый букраний (рис. 1: 2; 6: 1, 2).

Из ямы в камеру вели дромос (шириной 1,0 м, длиной 0,20—0,30 м) и спуск (ступенька), высотой 0,35 м. Реконструируемая высота входного отверстия составляла около 1,20 м. Заклад (обычно это плита!), заглубленный

в дно входной ямы на 0,2 м, состоял из плоских обломков известняка, песчаника и конгломерата, уложенных горизонтально в иррегулярной технике. Лучше сохранился северо-восточный угол кладки высотой 1,10 м (рис. 2: III). В заполнении перед закладом найдена бронзовая прямоугольная пластина с рельефным изображением Зевса на троне (рис. 1: 10; 7: 1, 2). Вероятно, она была утеряна грабителями.

Погребальная камера трапециевидных очертаний со скругленными углами, размерами 1,60—2,85 × 3,60 м, расположена к СЗ от входной ямы (рис. 1; 3). Дно слегка понижается к СЗ стенке (перепад высот 0,2 м). Сохранившаяся высота свода 1,7 м. В северо-восточной стенке, на высоте 0,85 м от дна, вырублена трапециевидная ниша размерами 0,22—0,27 × 0,29 × 0,12 м (рис. 2: I, II).

В привходовой части камеры зачищены остатки заклада, разрушенного грабителями. В придонной части заполнения зафиксированы обломки деревянного гроба, в западном углу — бедренная кость взрослого человека. На полу найдены обломки краснолаковой чашки (рис. 3: 3), фрагменты легкой реберчатой курильницы (рис. 3: 4), стеклянного бальзамария (рис. 3: 5), зуб животного (рис. 3: 8), обломки легкой курильницы с отверстиями в корпусе (рис. 3: 6), пронизь из желтого металла (рис. 3: 7), две гагатовых и одна стеклянная бусины (рис. 3: 9). Из перебранного грунта происходят мелкие фрагменты железных и бронзовых предметов (рис. 5: 5—7) и две бляшки из желтого металла (рис. 5: 11).

Рассмотрим находки.

Обломки амфор и гончарной посуды из заполнения входной ямы склепа 986, вероятно, представляют собой остатки тризны, связанной с окружающими его могилами II—III вв. н. э. Эта керамика, очевидно, была сброшена в оплывшую грабительскую траншею и определяет верхнюю хронологическую границу ограбления.

1. Ручки светлоглиняных амфор (рис. 4: 2—5) относятся к типу С (по Д. Б. Шелову). Учитывая современные хронологические разработки по могильникам Юго-Западного и Центрального Крыма (Усть-Альма, Бельбек IV, Константиновка), дата появления такой тары — вторая четверть II в. н. э., а производство ее продолжалось до конца столетия (Внуков 2006: 163—167; Пуздровский 2007: 186, 191).

Профильные части красноглиняных амфор представлены ручками (рис. 4: 6—8) и, вероятно, относятся к боспорскому производству II—III вв. н. э. Кувшин с биконическим туловом, на высоком поддоне, опреде-

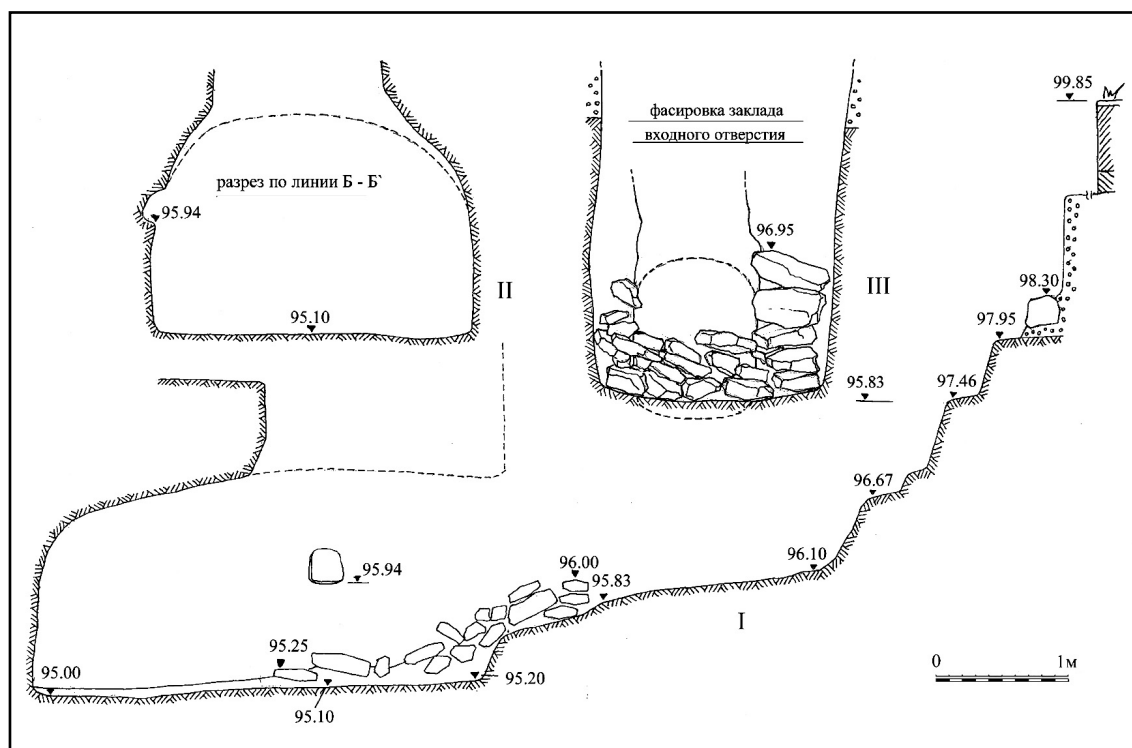

Рис. 2. Склеп 986. Разрезы: I — через входную яму и камеру по линии А — А'; II — через камеру по линии Б — Б'; III — фасировка заклада входного отверстия в камеру.

лен по характерной оранжево-коричневой глине с включениями пирита и единственной профильной части — ручке (рис. 4: 9). Такие сосуды (археологически целые), найденные во входных ямах (тризне) склепа 736 и могил 700 и 852 Усть-Альмы, датируются второй четвертью — серединой II в. н.э. (Пуздровский 2007: 186; Пуздровский, Соломоненко, 2007: 209, рис. 3: 1, 2), а кувшин из погребения 215 Бельбека IV (Гущина, Журавлев 1999: 164, рис. 4: 14) — серединой — второй половиной II в. н. э. Посуда этого типа достаточно часто встречается в комплексах II—III вв. н. э. (Кадеев, Сорочан 1989: 93—95).

2. Известняковая ступа усеченно-конической формы, края ее оббиты (рис. 4: 1). Размеры: 28×22×30 см. Диаметр чаши — 16 см, сохранившаяся глубина — 19 см. Близкая по форме известняковая ступа высотой 48 см и диаметром чаши 36 см найдена на Усть-Альминском городище (Высотская 1972: 168, рис. 50: 5). Такие предметы обычно служили для крупного размола и изготовления крупы.

В Усть-Альминском некрополе в склепе 603 встречены обломки мраморной ступки с зооморфными ручками (Пуздровский 2007: 159, рис. 138: 3). Аналогичная ступка из Соколовой Могилы, как полагает Г.Т. Ковпаненко, служила для измельчения целебных и ароматических трав (1986: 60,

рис. 59—61). Учитывая небольшие размеры публикуемого экземпляра, нельзя исключать вероятность присутствия ступы в погребальном инвентаре. Во входную яму она могла попасть после ограбления.

3. Бронзовый букраний (рис. 6: 1, 2) представляет собой литую полуу фигурку головы быка с небольшими рожками. Уши, глаза, складки на нижней части морды, ноздри и рот моделированы желобчатыми линиями с помощью штампа. Волнистыми линиями, в той же технике, передана густая шерсть верхней части головы. Размеры фигурки: 3,5×3,0×1,5 см. Тыльная сторона ее (у шеи) обрезана вертикально, что наряду с остатками свинцового припоя внутри свидетельствует о креплении (насадке) букрания на какой-то предмет. Один из вариантов реконструкции — навершие рукояти ритуального ножа.

Прямых аналогий альминскому букранию пока подобрать не удалось. Бронзовая голова быка венчает навершие в виде бубенца на втулке с треугольными прорезями из разрушенного кургана VI в. до н.э. Четук на Северном Кавказе (Шедевры 1987: кат. 3). Навершие канделябра из Золотого кладбища оформлено в виде головы козла (Гущина, Засецкая 1994: 24, 35, кат. 24), жезлы из Новоджерелиевской (Шедевры 1987: кат. 130) и Зубовского хутора (Гущина, Засецкая 1989: 82, 118, табл. XII: 34) были украшены протомы оленей. Железные

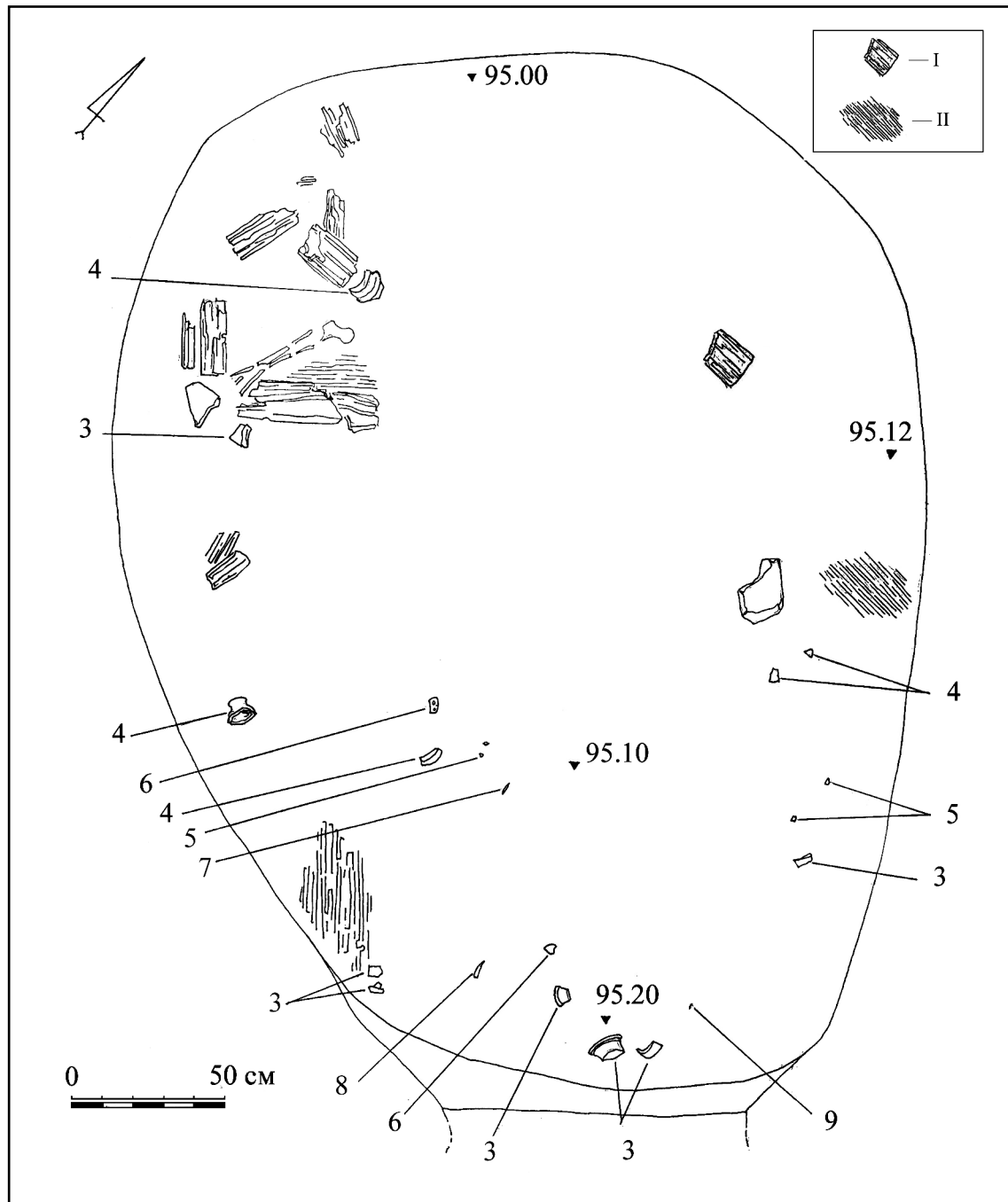

Рис. 3. Склеп 986. План камеры с нанесением остатков погребения и инвентаря: 3 — фрагменты краснолаковой чашки; 4 — обломки лепной курительницы на ножке; 5 — осколки стеклянного бальзамария; 6 — фрагменты лепной курительницы (с отверстиями); 7 — пронизь из желтого металла; 8 — зуб животного; 9 — бусы. I — фрагменты деревянного гроба, II — органический тлен.

канделябры этого типа известны в Усть-Альме (Пуздровский: 2007, рис. 139: 1, 5, 6).

Возможно, альминский букраний являлся рельефным украшением бронзового сосуда типа алтарика или курительницы. Глиняные алтарики с букраниями обнаружены в позднеэллинистических комплексах Неаполя Скифского (Зайцев 2003: 28, 57, рис. 62: 6, 11; 92). Тремя рельефными головами быков укра-

шена лепная курительница-алтарик, происходящая из могилы 615 Усть-Альмы — последняя четверть I в. н. э. (рис. 6: 6). В комплексах того же времени из Усть-Альмы и Битака найдены броши с изображением букраниев на щитках (Пуздровский 2007: 179, 180, рис. 196: 6, 7, 9). По своим размерам и проработке деталей (рис. 6: 3—5) они весьма схожи с фигуркой из склепа 986.

№4. 2010

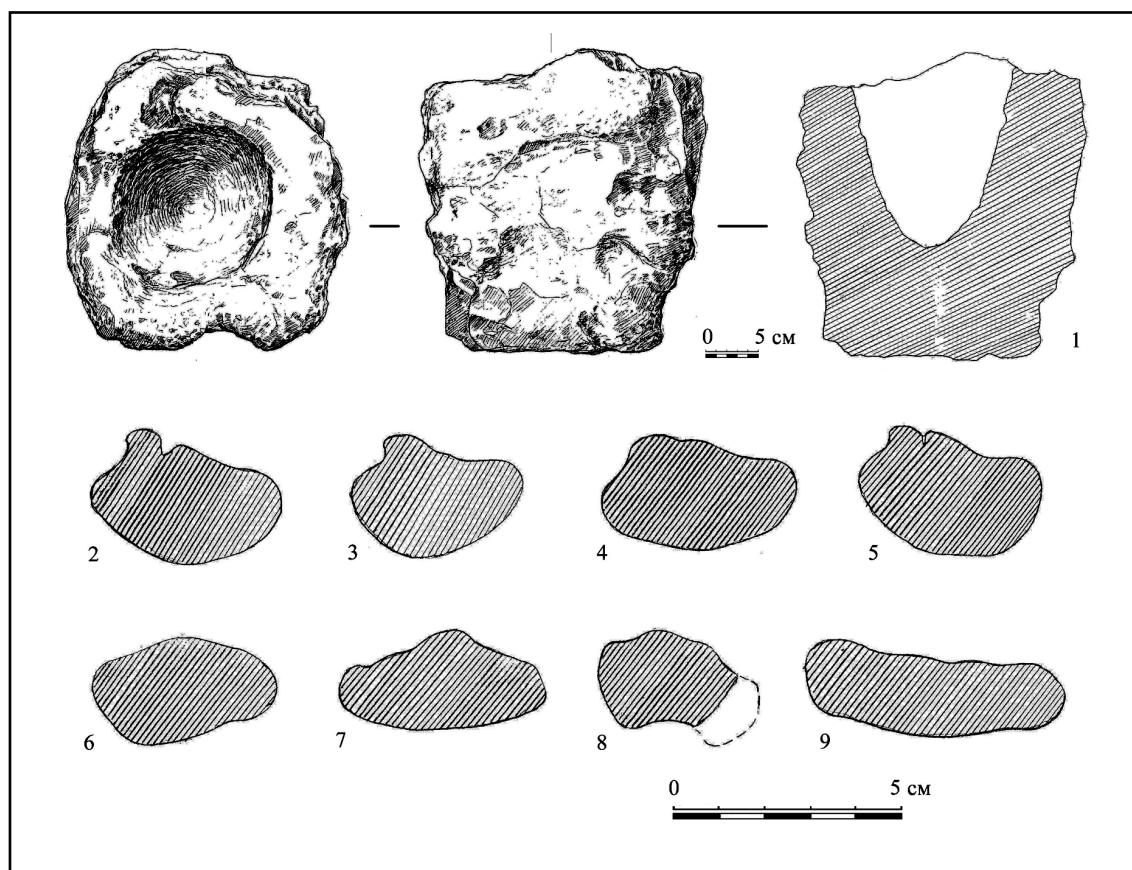

Рис. 4. Склеп 986. Находки из входной ямы: 1 — известняковая ступа; 2—5 — ручки светлоглиняных узкогорлых амфор; 6—8 — ручки красноглиняных амфор; 9 — ручка кувшина оранжево-коричневой глины.

4. Краснолаковая чашка усеченно-конической формы с отогнутым венчиком, на низком кольцевом поддоне, относится к группе ESB2. Глина светло-коричневого оттенка, пористая, с включениями блестящих частиц. Лаковое покрытие — оранжево-красного оттенка, изнутри — с утратами, что может свидетельствовать об использовании сосуда в качестве пиксиды. Снаружи корпуса, в придонной части — кольцевые желобки (следы формовки). Внутри, на дне — оттиск фигурного штампа в виде розетки, составленной из пяти небольших окружностей вокруг центральной (рис. 5: 3). Диаметр венчика — 12,5 см, дна — 7,0 см, высота — 4,0 см.

Датировка группы ESB2 обычно определяется в рамках 50—125/150 г.н. э. (Beull 1993: 22—28, taf. 1: 8—27; 3: 28—49; 4: 47—51; 5: 52—56) или 50/75—150 г.н. э. (Журавлев 2001: 99). По ряду признаков (профиль, пропорции) альминский сосуд относится к варианту (без подрезки венчика и ручек) формы 9, выделенной по экземпляру из могилы 158 Бельбека IV (Журавлев 1997: 242, рис. 5: 4). На первоначальную дату бельбекского сосуда (третья четверть I в.н. э.) во многом повлияла заниженная хронология близкой

(но далеко не идентичной) чашки из погребения в могиле 28 Неаполя — первая половина I в.н. э. (Сымонович 1983: 64, табл. X: 17). Однако, к форме 9 гораздо ближе чашка из могилы 56, хорошее качество лакового покрытия которой (Сымонович 1983: 67, 82, табл. X: 14) и граффити из букв греческого алфавита служат дополнительным аргументом в пользу принадлежности сосуда к группе ESB2 (Журавлев 2001а, 187—193). Смущает только, что другие предметы этого комплекса датируются более поздним временем. Это может быть объяснено смешением инвентаря при подзахоронении (два детских черепа во входной яме). В дальнейшем Д. В. Журавлев пересмотрел дату формы 9 в сторону омоложения, отнеся весь комплекс погребения могилы 158 Бельбека IV к первой половине II в. н. э. (2001: 106, рис. 5).

Чашка формы 9, но с затертыми краями и прямоугольным (именным?) клеймом найдена в могиле 728 Усть-Альмы (нижний ярус), относимой к рубежу I—II вв. н. э. (Пуздровский 2007: 172, рис. 169: 15). Тем же временем датируются и другие похожие экземпляры с оттиском именного (?) штампа в прямоугольной рамке — из могилы 79/2 Битака и могилы

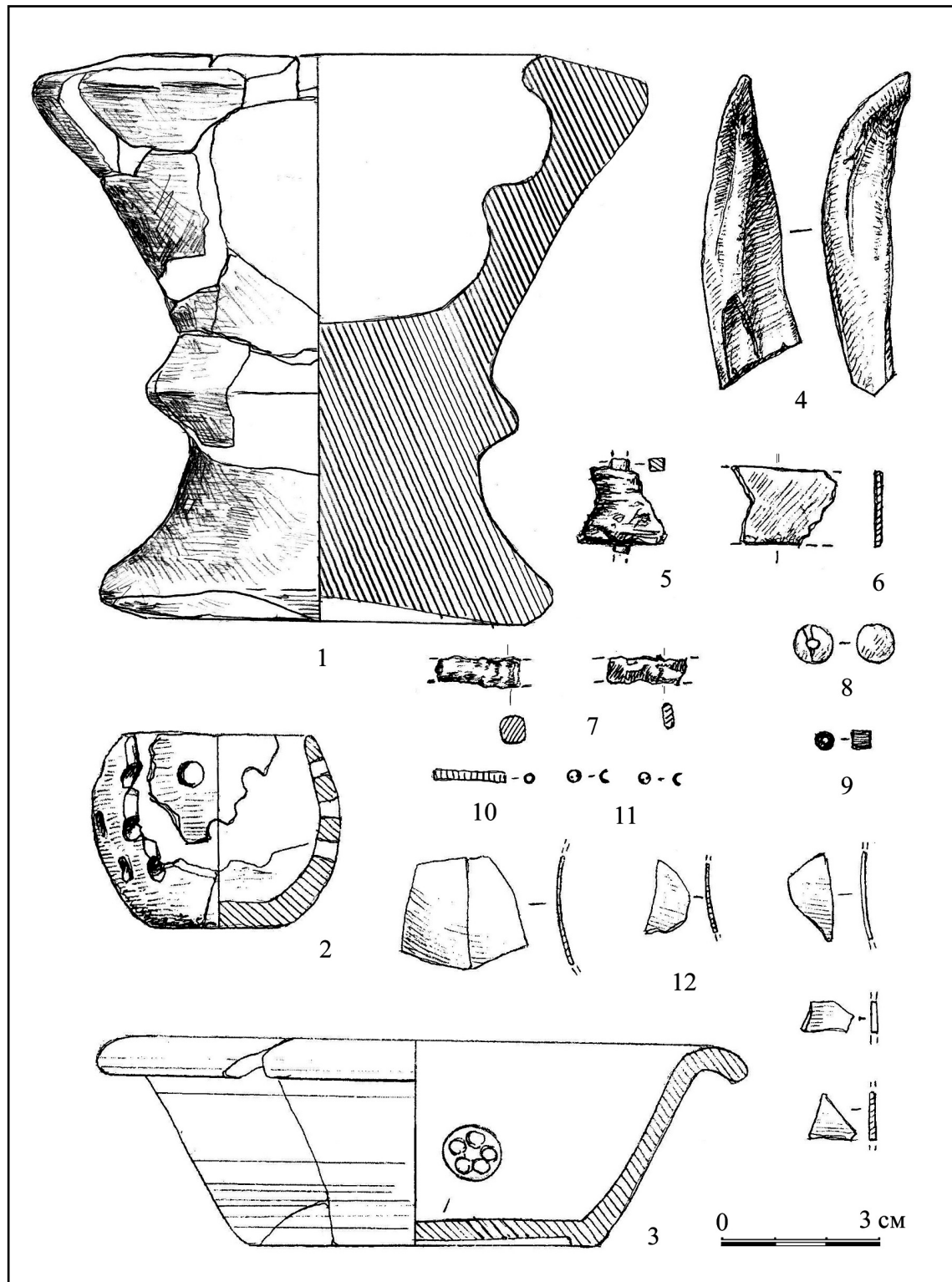

Рис. 5. Склеп 986. Находки из камеры: 1 — лепная курильница на ножке; 2 — лепная курильница с отверстием в тулове; 3 — краснолаковая чашка; 4 — зуб животного; 5—7 — фрагменты бронзовых и железных предметов; 8, 9 — бусы; 10, 11 — пронизь и бляшка из желтого металла; 12 — осколки стеклянного бальзамария.

411/1—2 Усть-Альмы. Близкая аналогия публикуемому клейму — на чашке формы 9 из могилы 526 Усть-Альмы (Пуздровский 2007: 172, рис. 169: 14, 16; 172: 8). Такие же оттиски штампа представлены на чашке с вертикальным бортиком из могилы 138/1 Битака

и на чашке формы 9 из могилы 3 Брянского (Труфанов 2009: рис. 8: 10; 9, 12, 14). Комплексы датируются рубежом I—II вв. н. э. и первой четвертью II в. н. э.

Таким образом, дата чашки из склепа 986 — конец I — первая четверть II в. н. э.

№4. 2010

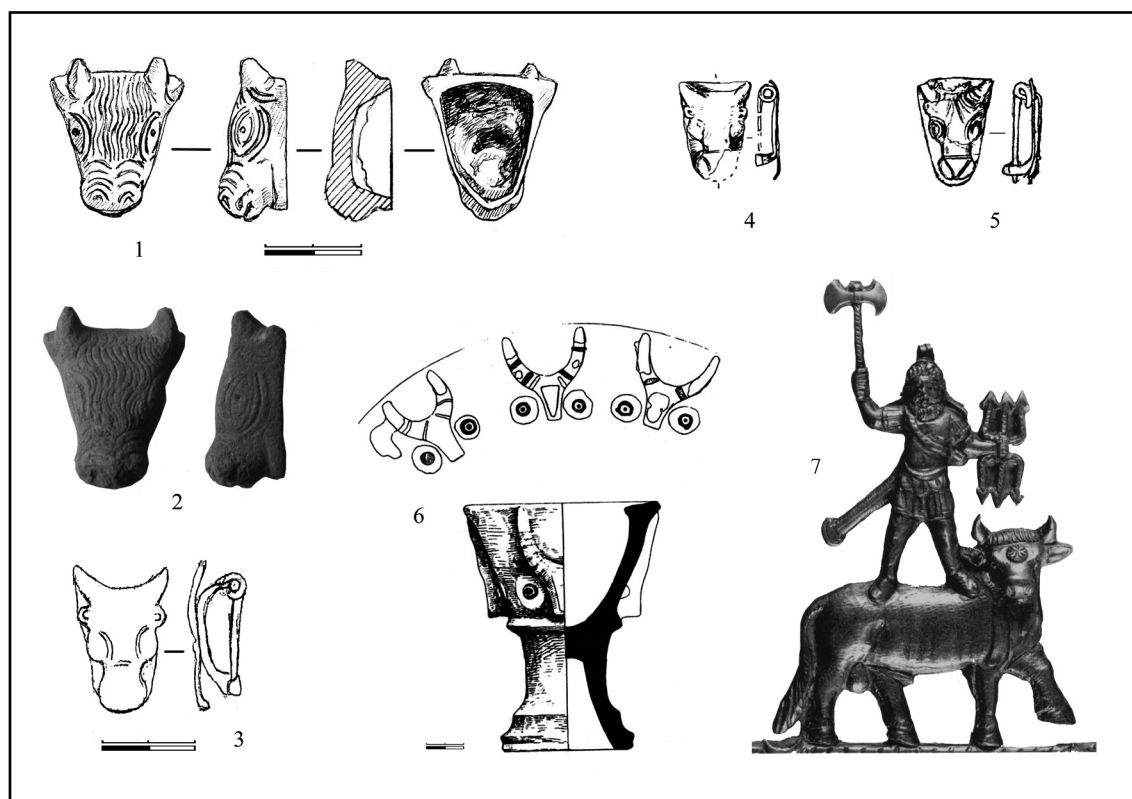

Рис. 6. Бронзовый букраний и аналогии изображению. 1, 2 — склеп 986 Усть-Альмы; 3—5 — фибулы-броши с изображением букрания (по: Пуздровский 2007: рис. 196); 6 — лепная курильница с букраниями — могила 615 Усть-Альмы (по: Пуздровский 2007: рис. 84); 7 — изображение Юпитера Долихена на быке — бронзовая пластина из Германии (по: Die Römer Zwischen Alpen und Nordmeer 2000: Kat. 177b).

5. Лепная курильница усеченно-конической формы, на массивной подставке. Корпус отделен ребристым валиком. На внутренней стороне подставки — небольшое углубление. Внешний край сосуда скошен в виде выступа, а внутренний загнут внутрь, образуя горизонтальный валик. Такой же валик проходит посередине внутренней поверхности чаши (рис. 5: 1). Глина курильницы в изломе серо-черного оттенка, у краев — оранжевого, тесто с крупными включениями дресвы, поверхность — желто-оранжево-коричневых оттенков, залощена. Размеры: диаметр чаши — 12,0 см, диаметр подставки — 8,8 см, высота — 11,0 см.

Курильницы цилиндрической и усеченно-конической формы в различных вариантах оформления широко известны в среднесарматской культуре (Смирнов 1973: рис. 1—3: I, II; Скрипкин 1990: рис. 37: 6—16; Прохорова, Гугуев 1992, 152 рис. 3: 10), в т. ч. в Северном Причерноморье (Максименко: 1998, рис. 82; Медведев 2008: 38, рис. 43: 1, 2, 3; Артеменко, Левченко 1983: 145, рис. 1: 6; Симоненко, Лобай 1991: 34, рис. 23: 1) и позднескифских могильниках Крыма (Богданова 1989: 32, 33, табл. VII: 1, 2, 5; Гущина 1982: рис. 12: 27, 30; Журавлев, Фирсов 2001: 226,

227, рис. 2). Многочисленная и разнообразная серия курильниц происходит из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский 2007: рис. 83—85).

Наиболее близок рассматриваемому сосуд из склепа 782 Усть-Альмы (Пуздровский 2007: рис. 84: 6) — последняя четверть I в. н. э., хотя в этом разграбленном в древности сооружении была еще одна курильница (Пуздровский 2007: рис. 85: 9), вероятно, связанная с подзахоронением. Хронологические наблюдения за развитием форм курильниц в Усть-Альме позволяют предположить их эволюцию от экземпляров с цилиндрическим туловом к сосудам на массивной подставке, а затем — с выраженной чашей на высокой полой ножке. К рубежу I—II вв. н. э. исчезают валики.

6. Лепная курильница усеченно-сферической формы, с отверстиями в тулове (рис. 5: 2). Размеры: диаметр венчика — 3,5 см, дна — 2,5 см, высота — 3,7 см.

Такие курильницы хорошо известны в памятниках среднесарматской культуры (Смирнов: 1973, рис. 1—3: III—IV; Медведев 2008: 38, рис. 43: 4—6; Вязьмитина: 1972, рис. 71: 15; Ковпаненко 1986: 65—67, рис. 68). В Крыму они найдены в Неаполе Скифском (Сымонович 1983: табл. IV: 2), в Заветном

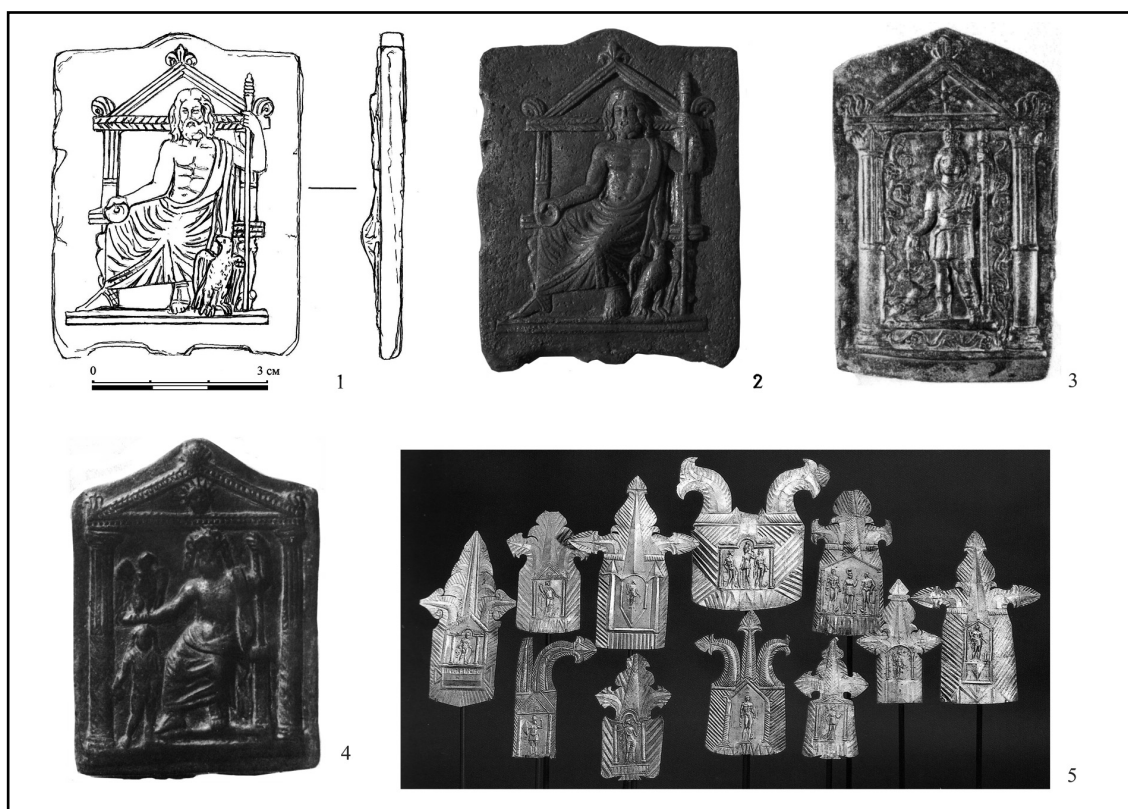

Рис. 7. Бронзовые матрицы и вотивные пластины. 1, 2 — матрица из склепа 986 Усть-Альмы; 3 — матрица из Туровой балки (Херсонес; по: Treister 2001: Fig. 120); 4 — матрица с юга Фракии (по: Vasil P. Vasilev 1987: Abb. 18); 5 — комплект серебряных вотивных пластин из клада в Вейсенбурге (Германия) III в. н. э. (по: Die Römer Zwischen Alpen und Nordmeer 2000: Kat. 130).

(Богданова 1989: 32, 33, табл. VII: 6.), в кургане у Братского кладбища (Высотская 1972: 114, рис. 28: 12, 13), в погребениях I в. н. э. Усть-Альминского некрополя (Высотская 1994: 83, табл. 31: 35; 40: 2). Как правило, такие сосуды входили в комплект с курильницами цилиндрической или усечено-конической формы (Симоненко, Лобай 1991: 34, 57, 58, рис. 33; Артеменко, Левченко 1983: 145, 146, 148, рис. 1: 6, 7; Прохорова, Гугуев 1992: рис. 3: 10, 13; Медведев 2008: рис. 43: 2—6; Пуздровский 2007: рис. 83: 2, 4, 6, 8, 11; 84: 3, 5; 85: 7; 2009: рис. 4: 2, 3).

Комплекты курильниц Усть-Альмы найдены в богатых (аристократических) женских захоронениях (бронзовая и серебряная посуда, золотые украшения, предметы восточного импорта). Наборы предметов культа и амулетов позволяют определить такие погребения как принадлежащие «жрицам».

7. От стеклянного бальзамария сохранились лишь фрагменты тулова (рис. 5: 12). Стекло прозрачное, бесцветное.

8. Бусина округлой формы из глухого серого-голубого стекла (рис. 5: 8) и пронизи из гагата (2 экз.) короткоцилиндрической формы (рис. 5: 9) имеют широкий хронологический диапазон бытования, но характерны и для на-

боров I—II вв. н. э. (Алексеева 1978: 14, 15, табл. 20: 41; 66, табл. 33: 8).

9. Зуб животного (рис. 5: 4). В прикорневой части есть два небольших отверстия диаметром 0,2—0,3 см, вероятно, для подвешивания. Размеры: 6,0×1,5 см. Возможно, зуб служил амулетом.

10. Мелкие обломки железных предметов (рис. 5: 6, 7) и бронзовый загнутый стержень с остатками дерева (рис. 5: 5), возможно, относятся к деталям шкатулки.

11. Гофрированная пронизь из желтого металла (длина — 1,3 см, диаметр 0,2 см) и две нашивные бляшки (диаметр 0,25 см) полусферической формы с двумя отверстиями (рис. 5: 10, 11). Обычно пронизями декорировали воротник, а бляшками — рукава или обувь. Такие украшения встречены в богатых женских захоронениях Усть-Альмы I — начала II в. н. э. (Пуздровский 2007: рис. 113: 2, 3, 9; 3: 10, 12; 115: 9; 116: 7, 9; 117: 11, 13; 118: 4, 6; 119: 9, 16, 19), нередко они в сарматских погребениях I в. н. э. (Симоненко, Лобай: 1991, рис. 19: 4в, 5; Мордвинцева, Хабарова 2006: 21, прим. 67, кат. 36, 84, 87, 111, 155 и др.).

12. Бронзовая матрица прямоугольной формы с изображением сидящего на троне Зевса (рис. 7: 1, 2), выполненным в невы-

№4. 2010

соком рельефе. Размеры: высота — 5,5 см, ширина — 4,2 см, толщина — 0,4 см, высота рельефа — до 0,35 см. На нижней грани сохранились три выступа (два боковых и центральный) со сломанами от литников либо ручки. На боковых гранях — небольшие механические повреждения, на тыльной стороне слабые вмятины от ударов инструмента. На лицевой (рельефной) стороне следы сработанности матрицы минимальны.

В центре изображения — сидящий на троне Зевс. Монументальное кресло на фигурных ножках стоит на подиуме. Спинка сооружения оформлена в виде портика с колоннами, верхняя часть которых покрыта каннелюрами. Архитрав разделен на два яруса и покрыт косыми зубчиками, карнизы переданы в виде трех параллельных неорнаментированных балок, фронтоны украшают пышные акротерии. Вся композиция плавно вписана в поле матрицы — выступ в центре верхней грани пластины подчеркивает верхний угол фронтона.

Зевс изображен с обнаженным торсом, в гиматии, верхняя часть которого перекинута через левое плечо и свисает на сиденье, ноги обуты в сандалии. Персонаж величественно восседает на троне, в свободной позе (развернут к зрителю влево в $\frac{3}{4}$), отставив правую ногу. В левой руке Зевс сжимает скипетр, опираясь на него; в ладони правой руки, покоящейся на колене, он держит фиалу; у его левой ноги сидит орел со слегка расправленными крыльями и обращенной вправо головой. Детали фигуры (лицо, прическа, борода, торс, стопы), складки одежды, ремешки обуви, а также оперение птицы тщательно проработаны.

Альминская матрица относится к серии бронзовых штампов, предназначенных для изготовления votивных пластин (преимущественно из серебра) с изображением того или иного божества, своеобразных «иконок». Оттиски предназначались для приношений в храм либо для домашних святилищ. Они могли быть оформлены в виде штандартов (рис. 7: 5) и в первые века н.э. были широко распространены в провинциях Римской империи (Трейстер 1991: 134; Die Römer 2000: 374, 375, kat. 130, 131).

Альминский экземпляр принадлежит к группе матриц с изображением божества в эдикуле. Территориально наиболее близкой находкой является экземпляр из Туровой балки близ Херсонеса (рис. 7: 3) с фигурой Диониса (Кадеев, Сорочан 1989: 97; Трейстер 1991: 133—137; Treister 2001: 355, fig. 120). С альминской ее сближает ряд художественных приемов в изображении портика.

Большая серия подобных матриц с образами различных божеств происходит из Мезии и Фракии (Vasilev 1987: 177—183; Treister 2001: 301, 315, 352, 355). Именно там (Южная Фракия) удалось найти очень близкую аналогию (рис. 7: 4) — с изображением Зевса на троне, держащего в левой руке жезл. На правой протянутой руке божества восседает орел с расправленными крыльями, рядом стоит Ганимед, в его руке — сосуд (Vasilev 1987: 180, fig. 18). Композиционно, а также в изображении деталей обе матрицы имеют много общих черт, что позволяет предполагать их принадлежность к одной художественной школе.

Особый интерес представляет изображенная в руках Зевса фиала, символизирующая возлияние — принесение жертвы. Сюжеты возливающих богов, известные в вазописи, на votивных рельефах и монетах, преимущественно классического и эллинистического времени (Кувшинова 200: 223—230), значительно реже встречаются в римское время, например, на светильнике из Усть-Альминского некрополя (Пуздровский 2007: 173, цв. вклейка 6, 5, рис. 188, 5). Изображения стоящего Юпитера с патерой также встречаются достаточно редко, преимущественно в Мезии и Фракии, что дало основание М. Ю. Трейстеру для предположения об изготовлении фигурки божества из ст. Самурской (Краснодарский край) в одной из балканских мастерских II—III вв. н.э. В качестве прототипа таких статуарных изображений Зевса приведены аналогии с датой не позднее середины I в. н.э., выдвинуто предположение о путях попадания таких предметов в Северное Причерноморье и их связи с культом Зевса и Юпитера (Трейстер 1992: 50—53, рис. 5).

Прием изображения каннелюр только в верхних частях колонн, а также оформление косыми зубчиками архитрава и карнизов, пышные акротерии отмечены не только на вышеупомянутых бронзовых матрицах (Vasilev 1987: 180, fig. 4—6, 22, 27), но и на глиняных формах для отливки матриц из Монтаны (Ognevova-Marinova 1987: 173—176, fig. 5, 6) и на штампе из Туровой балки (Трейстер 1991: 135; Treister 2001: 355).

Рассмотренные матрицы из Мезии и Фракии, а также из Херсонеса и Туровой балки датируются II—III вв. н.э. (Трейстер 1991: 137; Костромичев, Трейстер 2009: 415—421). Культурные и экономические связи Херсонеса и его окружи с Подунавьем в первые века н.э. обычно объясняют присутствием среди римских контингентов выходцев из этих провинций (Кадеев, Сорочан 1989: 97—101; Зубарь

1994: 49—108; Ланцов 2003: 37—41), для них могли по бронзовым штампам изготавливать и votивные пластины с изображениями божеств.

Бронзовая матрица из Усть-Альмы с изображением Зевса является уникальной для Крымской Скифии, учитывая редкость таких находок в Северном Причерноморье. Данные погребального обряда склепа 986 и остатки инвентаря позволяют предполагать, что в камере было совершено захоронение знатной женщины в деревянном гробовище. Краснолаковая чашка и курительницы определяют дату погребения в диапазоне конца I — начала II в. н. э.

Остается неизвестным, какую смысловую нагрузку в обряде несли букраний и матрица? Несмотря на ряд общих черт с серией штампов из Абритуса, иконография и тщательность исполнения альминской матрицы обнаруживают сходство лишь с одним экземпляром из Южной Фракии (рис. 7: 4). Отличия — в треугольной форме верхней части пластины из Болгарии и композиционном решении эдикулы альминской матрицы — портик изображен в виде трона (рис. 7: 1, 2). Возможно, в данной серии наша матрица — одна из самых ранних (первая четверть II в. н. э.).

Предлагаемая дата альминской матрицы ставит вопрос о путях попадания ее в Крым,

поскольку непосредственное военное присутствие римского гарнизона в Херсонесе относится к несколько более позднему времени (Зубарь 1994: 44). Один из вариантов — военная добыча сарматов в римско-дакийских войнах начала II в. н. э. (Толстіков 1989: 61, 62).

Находка бронзового букрания также ставит много вопросов. Есть ли связь между матрицей с изображением Зевса и букрания? Культ быка и бычьей головы уходит корнями в глубокую древность (см.: Толочко 2000: 289—292). В первые века н.э. в Северном Причерноморье и Подунавье распространяется культ бога-всадника, во многом схожего с иранским Митрой (Ростовцев 1913: 18—62; Blawatsky, Kochelenko 1966: 13—36; Крыкин 1993: 137—227) и фракийскими божествами. На ряде памятников искусства вместе с фигурой всадника показаны алтарь и букраний (Толочко 2000: 287—290; Венедиков, Тодоров: кат. 137). В дунайских провинциях (Najdenova 1987: 191—193), а также на Рейне (Die Römer 2000: 241—244) культ Митры-тавроктона получил широкое распространение, как в армии, так и среди гражданского населения. Еще один восточный бог — Юпитер Долихен, особенно популярный в конце II — начале III в. н. э. (Die Römer 2000: 244, 245, kat. 177a, 177b), изображался стоящим на быке (рис. 6: 7).

Литература

- Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. *САИ* Г1—12.
- Артемченко И. И., Левченко Б. М. 1983. Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области. *СА* (2), 144—151.
- Богданова Н. А. 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. *АИЮВЕ. Труды ГИМ* 70, 17—70.
- Внуков С. Ю. 2006. *Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Часть II: Петрография, хронология, проблемы торговли*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Венедиков И., Тодоров Н. *Памятники болгарской земли. Праистория и античность*. София: Пресс.
- Вязьмитина М. И. 1972. *Золотобалковский могильник*. Киев: Наукова думка.
- Высотская Т. Н. 1972. *Поздние скифы в Юго-Западном Крыму*. Киев: Наукова думка.
- Высотская Т. Н. 1994. *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.
- Гущина И. И. 1982. О локальных особенностях населения Бельбекской долины в первые века нашей эры. *АИЮВЕ. Труды ГИМ* 54, 20—30.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В. 1999. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *РА* (2), 157—171.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н. э. — начало II в. н. э.). *АИЮВЕ. Труды ГИМ* 70, 71—141.
- Гущина И. И., Засецкая И. П. 1994. *«Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье*. Санкт-Петербург: Фарн.
- Журавлев Д. В. 1997. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В: Демиденко С. В., Журавлев Д. В. (отв. ред.). *Древности Евразии*. Москва: Б. и., 227—260.
- Журавлев Д. В. 2001. О датировке Eastern sigillata B из Юго-Западного Крыма. *Археология* (3), 99—118.
- Журавлев Д. В. 2001а. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. *Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ* 118, 187—193.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. 2001. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму. *Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ* 118, 223—229.
- Зайцев Ю. П. 2003. *Неаполь скифский (III в. до н. э. — III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.
- Зубарь В. М. *Херсонес Таврический и Римская империя*. Киев: Киевская Академия Евробизнеса.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б. 1989. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів. *Археология* (4), 91—102.
- Ковпаненко Г. Т. 1986. *Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге*. Киев: Наукова думка.
- Костромичев Д. А., Трейстер М. Ю. 2009. Бронзовая матрица с рельефным изображением Тюхе из раскопок цитадели Херсонеса. В: Зуев В. Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: Искусство на периферии*

№4. 2010

- античного мира. Санкт-Петербург: Нестор-История, 415—421.
- Крыжкин С.М. 1993. *Фракийцы в античном Северном Причерноморье*. Москва: Прометей.
- Кувшинова Е.Н. К вопросу об изображении возливающих богов в античном искусстве. В: Акимова Л.И. (отв. ред.). *Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 223—230.
- Ланцов С.Б. 2003. *Античное святилище на западном берегу Крыма*. Киев: Стилос.
- Максименко В.Е. 1998. *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)*. Донские древности 6.
- Медведев А.П. 2008. *Сарматы в верховьях Танаиса*. Москва: Таус.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. 2006. *Древнее золото Поволжья из фондов Волгоградского областного краеведческого музея*. Симферополь: Тарпан.
- Прохорова Т.А., Гугуев В.К. 1992. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* (1), 142—161.
- Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия II в. до н.э. — III в.н.э. Погребальные памятники*. Симферополь: Бизнес-Информ.
- Пуздровский А.Е. 2009. Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму. *Stratum plus* (4), 329—338.
- Пуздровский А.Е., Соломоненко А.Е. 2007. Грунтовый склеп 1—2 вв. н. э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя. В: Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. (ред.). *Древняя Таврика*. Симферополь: Универсум.
- Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *ИАК* 49, 1—62.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.
- Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия*. Саратов: изд-во Саратовского ун-та.
- Смирнов К.Ф. 1973. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии. В: Марковин В.И., Мунчаев Р.М. (ред.). *Кавказ и Восточная Европа в древности*. Москва: Наука, 166—179.
- Сымонович Э.А. 1983. *Население столицы позднескифского царства*. Киев: Наукова думка.
- Толочко И.И. 2000. Два мраморных рельефа из Танаиса. В: Акимова Л.И. (отв. ред.). *Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней*. Москва: Языки русской культуры, 287—293.
- Толстиков В.П. 1989. Фанталівський укріпленний район в історії Боспорського царства. *Археологія* (1), 52—65.
- Трейстер М.Ю. 1991. Бронзовая матрица з Херсонеса. *Археологія* (1), 133—137.
- Трейстер М.Ю. 1992. Бронзовая статуэтка Юпитера Капитолийского из Мысхако. *ВДИ* (2), 41—53.
- Труфанов А.А. 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э.— III в.н.э. *Stratum plus* 2005—2009 (4), 111—328.
- Шедевры. 1987. Лесков А.М., Лапушнян В.Л. (ред.). *Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки*. Москва: Внешторгиздат.
- Beyll D. 1993. Terra Sigillata aus der Marrirenkirche in Ephesos. Erste Zwischenbilanz. *Berichte und Materialien des Österreichischen Archäologischen Institutes* 5. Wien.
- Blawatsky W., Kochelenko G. 1966. Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. *Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire Romain* 8. Leiden, 1—36.
- Die Römer. 2000. *Die Römer Zwischen Alpen und Nordmeer*. Mainz: Verlag Philip Von Zabern.
- Najdenova V. 1987. Studies on the cult of Mithra in Lower Moesia and Thrace. In: Ivanov T. (redacteur en chef). *Recherches sur la culture en Mesie et Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.)*. *Bulletin de l'Institut d'archeologie XXXVII*. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des sciences, 187—199.
- Ogenova-Marinova L. 1987. Un atelier de plastes imaginarius a Montana. In: Ivanov T. (redacteur en chef). *Recherches sur la culture en Mesie et Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.)*. *Bulletin de l'Institut d'archeologie XXXVII*. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des sciences, 173—176.
- Treister M. 2001. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics. *Colloquia Pontica* 8. Leiden; Köln; Boston.
- Vasilev V.P. 1987. Bronzene matrizen aus Mösien und Thrakien. In: Ivanov T. (redacteur en chef). *Recherches sur la culture en Mesie et Thrace (Bulgarie) (Ier—IVe s.)*. *Bulletin de l'Institut d'archeologie XXXVII*. Sofia: Editions de l'Academie Bulgare des sciences, 177—183.

Статья поступила в номер 11 февраля 2010 г.

Alexander Puzdrovsky (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Alexander Puzdrovsky (Simferopol, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Пуздровский Александр Евгеньевич (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

E-mail: archaeo@ukrpost.net.

Alexander Trufanov (Simferopol, Ukraine). Candidate of historical sciences. Crimea Branch of Archaeology Institute, Ukraine National Academy of Sciences.

Alexander Trufanov (Simferopol, Ucraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, filiala Crimea, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Труфанов Александр Анатольевич (Симферополь, Украина). Кандидат исторических наук. Крымский филиал Института археологии НАН Украины.

E-mail: archaeo@ukrpost.net.